

Памяти М. В. Безобразовой.

(Не замѣченная смерть замѣтнаго человѣка).

Вмѣсто предисловія къ своимъ воспоминаніямъ о Маріи Владиміровнѣ Безобразовой, я позволяю себѣ, для полной ея характеристики, сдѣлать нѣкоторыя выдержки изъ прекраснаго фельетона В. В. Розанова, появившагося какъ бы ея некрологомъ.

Фельетонъ былъ напечатанъ, въ „Новомъ Времени“ 8-го августа, а она скончалась 2-го сентября.

20-го августа она мнѣ писала: „лестно мнѣ было прочесть фельетонъ В. В. Розанова, но въ немъ много интимнаго“.

„Удивительно, говоритъ В. В. въ своемъ фельетонѣ, какъ однѣ біографіи, литературныя дѣятельности, литературныя „портреты“ — удаются, а другіе почему-то „не выходятъ“... Почему „не выходятъ“? Почему „удаются“? Богъ вѣсть. Судьба, Рокъ, предназначеніе. Раціональныхъ причинъ бываетъ иногда много для этого; или, по крайней мѣрѣ, онѣ далеко не все объясняютъ въ разницѣ между „свѣчкой зажегшейся“ и свѣчкой „не зажегшейся“, часто при одномъ и томъ же составѣ въ нихъ горячаго матеріала и свѣтильни. „Одну свѣчку зажегъ Богъ“, и она горѣла, и люди видѣли это горѣніе и запомнили его, а другую свѣчку „не зажегъ Богъ“, и она простояла. Стояла, потомъ сломалась. Потомъ куда-то ее вынесли. Никто не знаетъ и не помнитъ.

„Мысль эта невольно приходитъ на умъ при сравненіи двухъ очень сходныхъ личностей въ нашей наукѣ, литературѣ и общественности: Софіи Ковалевской и Маріи Безобразовой. Параллелизмъ — полный. Составъ горячаго матеріала — одинаковъ. Талантъ, призваніе—равно. Кто не знаетъ Софью Кова-

левскую? Марию Безобразову — никто не знает. Почему же имя первой такъ извѣстно и всѣми почитаемо въ Россіи? „Богъ зажегъ свѣчку“, — одинъ отвѣтъ. Всѣ увидѣли, всѣ узнали, всѣ очень много говорили и всѣ запомнили „привлекательную и ученую дѣвушку“.

„Между тѣмъ у Маріи Безобразовой было никакъ не меньше „матеріала“, чѣмъ у Софьи Ковалевской, чтобы стать около нея плечомъ къ плечу. Высшая математика, которой отдалась Софья Ковалевская, — по самому существу своему не допускаетъ популяризаціи, и изъ тысячъ русскихъ устъ, слагающихъ хвалу Софьи Ковалевской, — едва-ли хоть одни уста могутъ сказать что-нибудь объ ея открытіяхъ или вообще о чемъ-нибудь „новомъ“, что она дала математикѣ, остается чисто внѣшній фактъ профессуры въ Стокгольмскомъ университетѣ.

„М. В. Безобразова имѣла опредѣленное, сильное призваніе къ философіи; это не было ни баловство, ни — „надумала себѣ“; не было — „вообразила себя философомъ и не удалось“... Ничего подобнаго; никакой претенціозности, никакой нескромности.

Въ чемъ же дѣло и отчего „не вышла судьба“? отчего нѣкоторая меланхолія Софьи Ковалевской о томъ, что она „не приняла обычной женской доли“, — привлекла сочувствіе всей Россіи, и отчего никто не оглянулся на жалобы и печаль столь же замѣчательной дѣвушки, у которой не вышла „философская судьба“?

Въ книгѣ „Изъ одного альбома“, носящей характеръ философскаго и вмѣстѣ автобіографическаго дневника, она говоритъ много о себѣ, — о своей судьбѣ и жалуется на свой недугъ — глухоту.

„Съ внутренними слезами, говоритъ В. В. Розановъ въ своемъ фельетонѣ, я смотрѣлъ на замѣчательную и даровитую дѣвушку, которая фатальнымъ недугомъ разобщена со всѣмъ міромъ, — которая можетъ только видѣть и читать, когда полна энергіи жить и дѣйствовать“... Ея книга „Изъ одного альбома“ пестритъ такими словами: „Самое ужасное, что можетъ испытать человѣкъ, это быть оторваннымъ отъ дѣятельности, когда ее страстно любить“. Далѣе: „Какое самое страшное слово для насъ, выступающихъ на публичную дорогу? Это слово — *замалчивать*“ (курсивъ автора). „Но вы не знаете, какъ это дѣлается! На это существуетъ тысяча маневровъ тѣхъ многихъ недоброжелателей, которые есть у всякаго, кто не зауряденъ. И вотъ устраиваются такія сѣти, что вы сами не понимаете ихъ существованія. Все кажется такъ естественнымъ. О

васъ никто не говоритъ, или говорятъ недоброе, иногда нечаянно и втихомолку пускаютъ этотъ ядъ“.

„Мнѣ, по крайней мѣрѣ, закрыты всѣ русскія изданія, нигдѣ я не могу не только излагать своихъ мыслей, но даже возражать—закрыты *всѣ двери*“ (курсивъ автора).

„И у меня вырываютъ задуманное: исторію философіи въ Россіи и „философское общество“. Гражданской смертью я давно умерла, а живу физически“.

„Мнѣ кажется иногда, что во мнѣ еще цѣлая неисчерпанная жизнь, такъ хочется жизни и жизни“.

Тоска отошла, но жажда жизни встаетъ грозной силой.

„Работа не страданіе, а наслажденіе, и потому высшее, что существуетъ на землѣ—быть въ состояніи работать“.

„Счастье работать по призванію, и только ради такого счастья и стоитъ жить“.

„Счастьемъ“ Марія Владиміровна Безобразова считала работу по призванію. И этого-то желаннаго счастья, несмотря на постоянный и упорный трудъ, она и не достигла.

Года за два до своей кончины она пришла ко мнѣ, чѣмъ-то очень огорченная и сказала: „Жизнь прошла незамѣтно. Сначала мнѣ казалось, что она *вся впереди* и вдругъ оказалось, что она *вся назади*, и дѣтство, и старость для меня тождественны и это тождественное въ нихъ тоска. Тоска по какой-то очень хорошей жизни. Въ срединѣ ея не было тоски. То была жизнь полная увлеченія чѣмъ-то возвышеннымъ и идеальнымъ, чего не существовало въ дѣтствѣ и что какъ бы перестаетъ существовать теперь. Что было можно — все сдѣлано. Силы были приложены къ тому, чтобы не прожить безцѣльно. Я стучалась въ сотни дверей, и мнѣ никто не отворилъ этихъ дверей. Въ дѣтствѣ мысль о смерти не давала мнѣ покоя, теперь я ее не страшусь“.

Прослѣдивъ шагъ за шагомъ жизнь Марія Владиміровны Безобразовой и поставивъ ее рядомъ, плечо къ плечу, какъ это сдѣлалъ В. В. Розановъ, съ Софьей Васильевной Ковалевской, сейчасъ же увидишь громадную разницу въ ихъ дѣятельности.

Одна взяла отъ жизни *все*. Другая, работая не меньше—ничего. Одной все удавалось; другая во всѣхъ своихъ идейныхъ начинаніяхъ встрѣчала всегда преграду.

„Почему“? Ставлю и я вопросъ В. В. Розанова. М. В. росла въ интеллигентной семьѣ. Ея мать была женщина очень образованная, сотрудничала подъ буквами Т. С. около десяти

лѣтъ въ „Journal des Débats“ и многія ея корреспонденціи принимали за корреспонденціи Leroy Beaulien. Въ „Journal des Economistes“, въ 1873 г. была напечатана ея статья „L'émancipation de la femme considérée dans les rapports avec le socialisme et l'économie politique“, надѣлала много шума по новизнѣ мыслей. Ея отецъ былъ академикъ и извѣстный экономистъ и публицистъ. Тѣмъ не менѣе дѣвочка была отдана въ нѣмецкій пансіонъ, гдѣ всѣ предметы, само собою разумѣется, преподавались на нѣмецкомъ языкѣ, и отдана она была туда только потому, что отецъ находилъ, что тамъ учили меньше, чѣмъ въ гимназіяхъ, и главное не учили естественной исторіи.

Отецъ М. В., какъ это ни странно, находилъ, что женщинамъ совсѣмъ не надо было учиться. Такимъ образомъ, отдавая ее въ нѣмецкій пансіонъ, онъ какъ бы дѣлалъ уступку требованіямъ XIX вѣку.

Покончивъ свои занятія въ пансіонѣ 16-ти лѣтъ, М. В. начала готовиться къ экзамену на домашнюю учительницу—обзавелась программами экзаменовъ и русскими учебниками, и черезъ нѣкоторое время экзаменъ при гимназіи былъ сданъ и аттестатъ на домашнюю учительницу полученъ. Однако, дипломъ учительницы не удовлетворилъ и не успокоилъ М. В. Ей хотѣлось идти дальше и знать больше, чѣмъ она знала.

И вотъ, во время ея томительныхъ исканій, пополнить свое образованіе, она встрѣтилась съ одной барышней, которая ей дала программу Цюрихскаго университета. Съ этого момента, поступленіе въ Цюрихскій университетъ сдѣлалось ея мечтой. Но для того, чтобы попасть въ университетъ, она думала, что ей придется пройти курсъ мужской гимназіи. Тогда, не теряя времени, она беретъ программу, вычеркиваетъ изъ нея все то, что она знала, и занимается исключительно—математикой и древними языками. Въ два года она прочла всѣхъ тѣхъ авторовъ, которые полагается читать въ гимназіи.

Послѣ этого она поступаетъ на педагогическіе курсы при Александровской женской гимназіи, которые оканчиваетъ въ 1876 году.

Съ 1880 и по 1885 г. служить въ Московскомъ учебномъ округѣ. Съ 1880 и по 1883 г. занимаетъ мѣсто учительницы новѣхъ языковъ въ Вяземской женской гимназіи, а съ 1883 и по 85 г. начальницы пяти-классной прогимназіи въ Жиздрѣ (Калужской губ.) и преподаетъ: естествовѣдѣніе, географію и исторію.

Въ 1887 г. ѣдетъ въ Лейпцигъ и занимается своей любимой наукой—философіей. Тамъ и появляется ея первая работа: „Ueber Plotin's Glückseligkeitslehre“ (ученіе Плотина о счастьѣ). Затѣмъ слушаетъ лекціи (2 семестра) въ Цюрихскомъ университетѣ.

Въ 1888 г. читаетъ въ Москвѣ свою первую публичную лекцію „О значеніи Канта“ и затѣмъ въ 1891 г. держитъ въ Бернѣ экзамень на д-ра философіи и получаетъ его. Диссертація, за которую М. В. получила въ Бернѣ званіе доктора философіи, называлась: „Materialien zur Geschichte der Philosophie im Russland.“

Съ 1892 г. занимается исключительно изслѣдованіемъ рукописей, относящихся къ исторіи философіи въ Россіи, и работаетъ въ Публичной библіотекѣ Московскаго Румянцевскаго музея, библіотекѣ Московской духовной академіи, Чудова монастыря, С.-Петербургской и Кіевской духовной академіи.

Мысль о существованіи философіи въ Россіи въ древнія времена всецѣло принадлежитъ М. В., и изслѣдовать съ такой цѣлью рукописи до нея никому не приходило въ голову.

Въ 1897 г. ея сочиненіе „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи“, представленное въ академію наукъ на премію митрополита Макарія, получило почетный отзывъ.

Несмотря на все это, неудачи, какъ въ ранней молодости, преслѣдовали ее и въ научныхъ трудахъ.

Все, что она писала, видѣлъ свѣтъ, *только тогда*, когда она *наработанное* издавала на свой собственный счетъ...

Удовлетворяли ли ее эти изданія?

Конечно, нѣтъ. Имѣя большею частью спеціальныи характеръ—они шли медленно.

А лекціи, которыя она читала: въ Петербургѣ, Москвѣ и разныхъ городахъ Россіи (около 80 лекцій) дали ли хотя онѣ ей удовлетвореніе?—тоже нѣтъ, за немногими исключеніями онѣ были слишкомъ спеціальны и не могли также, какъ и ея книги, привлечь широкую публику. И вотъ спустя 12 лѣтъ по полученіи докторскаго диплома, она стала хлопотать о допущеніи ея читать лекціи въ какомъ-нибудь изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Молодежь всегда притягивала ее къ себѣ, да и кромѣ того ей хотѣлось подѣлиться съ ней своими знаніями и вселить въ ней интересъ къ философіи. Но и тутъ послѣдовала неудача: ей заявили, что для того, чтобы читать лекціи на высшихъ курсахъ, требуется русская ученая степень...

Послѣ наведенныхъ справокъ, что русская ученая степень нужна, она стала готовиться къ экзамену...

Но ея разстроенное здоровье довело ее до того, что русский языкъ показался ей „санскритскимъ“ и когда она явилась на экзамень, то по ея словамъ у нея „прилипъ языкъ къ гортани“. Послѣ этого ей былъ назначенъ второй экзамень.

Второй экзамень также былъ неудаченъ. Ей была предложена тема спеціально логическая, отвѣтить на которую, подробно, готовясь къ исторіи философіи—она не могла. Отложить еще разъ экзамень было не въ ея силахъ...

Эта послѣдняя неудача переполнила чашу ея страданій и убила вѣру въ свои силы, которыхъ на самомъ дѣлѣ было еще очень много.

Въ 1895 г. 25 мая было основано первое въ Россіи, „Русское женское взаимно-благотворительное общество“.

Надо ли говорить о томъ подъемѣ женщинъ, давно стремившихся соединиться въ прочный союзъ для достиженія общечеловѣческихъ правъ, равнаго права на трудъ, равныхъ юридическихъ правъ и одинаковаго образованія съ мужчинами.

Не успѣло новое общество открыть своихъ дверей, какъ въ нихъ, точно горный потокъ, устремились сотни женщинъ всѣхъ положеній, возрастовъ и состояній.

И вотъ на одномъ изъ общихъ собраній этого общества, въ 1896 г. я встрѣтилась съ Маріей Владиміровной Безобразовой. Невысокаго роста съ подстриженными и слегка подвитыми волосами, одѣтая въ темную юбку и синюю шелковую рубашечку, она сидѣла въ первомъ ряду и во время преній, порывисто вставала, подходила къ эстрадѣ, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, что-то невнятно говорила и такъ же порывисто, какъ и вставала, снова занимала свое мѣсто въ первомъ ряду.

— Кто это? спросила я даму, рядомъ со мной сидѣвшую.

— Это Безобразова. Докторъ философіи Бернскаго университета. Она плохо слышитъ, отвѣтила мнѣ моя сосѣдка.

Послѣ собранія меня съ ней познакомили. На другой день вечеромъ, я поѣхала въ общество и снова встрѣтилась съ М. В.

Увидѣвъ меня, она подошла ко мнѣ вплотную, какъ къ старой знакомой, и сказала:—не хотите ли войти въ нашъ „кружокъ домашнихъ чтеній“.

— Охотно, отвѣтила я ей. А какія задачи преслѣдуетъ вашъ кружокъ?

— Какія задачи, отвѣтила мнѣ она, его задачи—способствовать посредствомъ живого обмѣна мыслей самообразованію членовъ. Занятія кружка относятся къ четыремъ отдѣламъ: 1) лите-

ратурному, 2) научному, 3) отдѣлу общихъ вопросовъ и 4) исторіи женщинъ. Въ собраніяхъ кружка домашнихъ чтеній уже происходили пренія по поводу слѣдующихъ вопросовъ:

„Что такое самолюбіе“ тема г-жи Дунинъ-Борковской.

„Душевные свойства женщины“ Кашперова, тема г-жи Щепкиной.

Разборъ сборника „Къ рѣшенію земскаго вопроса“—авторъ темы Сабинина. „Женскіе типы Ибсена“—авторъ темы Лучинская. „О женской преступности съ антропологической точки зрѣнія“ П. Н. Тарновской. „Университеты и народное образованіе“ Е. Ф. Литвиновой. „Гдѣ предѣлы вмѣшательства родителей въ дѣтскую жизнь?“—авторъ темы Поваринская. Пренія по вопросу Элизы Ожешко „Сдѣлало ли образованіе современную женщину сердечнѣе, чѣмъ то было въ предъидущія поколѣнія?“ Это была моя тема.

— Все, что вы мнѣ сказали, отвѣтила ей я—очень интересно, и я конечно не пропущу ни одного собранія. А кому именно принадлежитъ мысль учрежденія этого кружка, спросила ее я.

— Мнѣ, отвѣтила Безобразова. Я состою также и его распорядительницей.

Въ 1899 г. М. В. былъ основанъ при томъ же обществѣ, вмѣсто кружка домашнихъ чтеній, „Этическій кружокъ“, существующій и теперь. Цѣль этическаго кружка—сближеніе членовъ на нравственной почвѣ. Его задачи: разрабатывать этическіе вопросы, не имѣя при этомъ въ виду двигать науку, а лишь цѣль удовлетворить запросы своихъ членовъ, давая имъ возможность высказывать собственные взгляды и знакомиться съ другими мнѣніями. Интересъ къ этому кружку среди членовъ общества былъ очень большой. Распорядительницей его была также какъ и въ кружкѣ домашнихъ чтеній М. В. Безобразова. Въ этомъ же 1899 г. я начала издавать журналъ „Женское дѣло“, къ участію въ которомъ привлекла и М. В.

Помню, съ какой радостью и интересомъ она принялась за это дѣло. Мы видѣлись съ ней каждый день. И, если она почему-нибудь не приходила, то писала мнѣ: „иду въ публичную бібліотеку“. Или „ѣду къ ушному врачу“. Не быть у меня она не считала возможнымъ. Ей былъ нуженъ со мной ежедневный обмѣнъ мыслей. Этотъ обмѣнъ мыслей давалъ и мнѣ и моему журналу „Женское дѣло“ и педагогическому изданію „На помощь матерямъ“ и дѣтскому журналу „Игрушечка“—массу полезныхъ свѣдѣній. Во всѣхъ этихъ моихъ изданіяхъ она и работала и

держала корректуру. А какъ она была аккуратна въ своихъ работахъ... И какая у нея была колоссальная память.

За корректурой я посылала къ ней всегда вечеромъ, послѣдніе годы мы жили черезъ домъ другъ отъ друга, и къ извѣстному часу она была готова. Очень часто, на другой день, рано утромъ, я получала отъ нея нервно написанную записочку: „кажется, на 3-й строкъ сверху я забыла вычеркнуть два одинаковыхъ слова. Посмотрите. Вѣдь это послѣдняя корректура. Если не вычеркнули и послали, я сейчасъ поѣду въ типографію“... До болѣзненности строгая къ работѣ, она часто упрекала меня за медлительность въ чтеніи авторской корректуры... Сама она работала чрезвычайно быстро, и какъ тяжело переживала, когда ея работы не помѣщались... Каждый отказъ сопровождался у нея обильными слезами и рядомъ бессонныхъ ночей, губившихъ ея и безъ того слабое здоровье. На всякіе злободневные вопросы она горячо откликалась, писала о нихъ и если эти замѣтки во-время не появлялись, она страдала...

Покончивъ съ этическимъ кружкомъ, которымъ она руководила одиннадцать лѣтъ, она принялась съ жаромъ писать свою автобіографію: „Розовое и черное изъ моей жизни“. Эта автобіографія сблизила ее, какъ она мнѣ потомъ сказала, съ женой редактора „Русской Старины“—Евгеніей Николаевной Вороновой, отъ которой она была въ полномъ восторгѣ и сильно полюбила ее. „Такія женщины рѣдки“,—говорила она мнѣ. Ни о комъ ни слова дурного. Напротивъ, въ каждомъ находила что-нибудь хорошее. Послѣ разговоровъ съ нею дѣлалось такъ хорошо на душѣ...

Ея смерть была тяжелымъ ударомъ для М. В. Думала ли она тогда, когда провожала ее 1 февраля 1913 г. въ Ново-дѣвичій монастырь, что въ 1914 г. 8 сентября сама успокоится на вѣки—тамъ же!..

На страницахъ того же журнала, гдѣ теперь печатаются мои воспоминанія о скончавшейся 2-го сентября прошлаго года, Маріи Владиміровнѣ Безобразовой, она, въ 1913 году, помѣстила свою автобіографію, назвавъ ее „Розовое и черное изъ моей жизни“ (еще не оконченную). Зная близко жизнь М. В., мнѣ хотѣлось, читая эту исповѣдь, — отыскать въ ней то розовое въ ея жизни, о которомъ она намѣревалась сообщить. Пока розовымъ мнѣ показалось только одно ея раннее дѣтство, проведенное въ деревнѣ, гдѣ ей былъ отведенъ лужокъ, на которомъ она устроила себѣ огородъ и садъ, гдѣ у нея

была своя лошадка „каренькая“, на которой она, одѣтая мальчишечкомъ, ѣздила верхомъ.

А затѣмъ, окончивъ пансіонъ и выдержавъ борьбу за дальнѣйшее свое образованіе, *неудачи* черною нитью проходятъ черезъ всю ея жизнь, если только не считать „розовымъ“ ея стремленіе къ самосовершенствованію, учительству, достиженіе ученой степени, желаніе посредствомъ лекцій сблизиться съ молодежью и вообще сѣять разумное, вѣчное...

Марія Владиміровна любила людей, вѣрила въ торжество добра и правды и эту вѣру сохранила до конца своихъ дней. Она всегда говорила: „Что можетъ быть выше любви, проповѣдь которой не отразима, когда она искренна“.

„Сколько бы ни открывали новыхъ истинъ, сколько бы ни рождалось ученій, которыя хотятъ замѣнить любовь ненавистью, какъ никогда не утратитъ свою силу свѣтъ и будетъ убивать бактерій, такъ нравственныя бактеріи всегда будутъ гибнуть тамъ, гдѣ горитъ любовь, гдѣ искреннія хорошія слова говорятся, потому что они чувствуются. Вѣра въ любовь не призракъ, какъ и вѣра въ гибель бактерій подъ вліяніемъ свѣта—это все истины и тѣ истины, благодаря которымъ еще и можно жить на свѣтѣ“. Говоря это, она всегда добавляла: „Но вмѣстѣ съ любовью рука объ руку должна идти свобода. Она ея лучшей другъ. Нѣтъ любви тамъ, гдѣ деспотизмъ, нѣтъ и свободы, гдѣ нѣтъ любви. Любовь освобождаетъ личность, свобода научаетъ тому, что значитъ любить въ настоящемъ смыслѣ этого слова—любить лучшее въ человѣкѣ, ту его высокую личность, которая не можетъ существовать безъ свободы, гдѣ немислимо я, знающее только само себя.“

„Если бы любовь и свобода были такъ же близко связаны съ нами, какъ связаны между собою, иною бы стала человѣческая жизнь“...

Начало 1910 года было какъ-то особенно тяжело для М. В.; она часто говорила: „миѣ скучно“. „Работы нѣтъ“. У нея усилилась глухота. Сердце ослабѣло. Она сдѣлалась нервна и часто говорила о смерти...

28-го декабря исполнялось 30-лѣтіе ея педагогической, научно-литературной и общественной дѣятельности. И этотъ день, дѣйствительно, можно назвать „розовымъ“ днемъ ея жизни. Съ часу дня маленькая квартирка начала наполняться людьми, желавшими ее лично поздравить. Чествованіе началось поднесеніемъ адреса отъ русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго Общества съ многочисленными подписями; затѣмъ ее при-

вѣтствовали въ теплыхъ выраженіяхъ и поднесли адресъ члены „этического кружка“ и редакторы изданій, гдѣ помѣщались ея работы. Въ привѣтствіи отъ московскаго женскаго клуба говорилось: „Съ Москвой связаны ваши первые шаги на педагогическомъ поприщѣ. Въ Москвѣ вы первая изъ русскихъ женщинъ читали лекціи изъ исторіи философіи. Въ Москвѣ же васъ — первую русскую женщину, избрали дѣйствительнымъ членомъ Московскаго психологическаго общества. Правленіе Московскаго женскаго клуба съ особенной признательностью считаетъ необходимымъ отмѣтить, что въ періодъ горячей борьбы за равноправіе женщинъ на васъ русская женщина съ благодарностью и гордостью указываетъ, чѣмъ она можетъ быть и что она можетъ сдѣлать... Вы доказали, что женщины одинаково доступны и область отвлеченной науки, и практическая дѣятельность“.

Предсѣдательница Общества В. Морозова.

Вслѣдъ за привѣтствіями читались многочисленныя телеграммы и письма; въ телеграммѣ отъ совѣта философскаго Общества (начало которому было положено ею) говорилось: „Въ день вашего юбилея съ благодарностью вспоминаетъ о вашей инициативѣ въ дѣлѣ учрежденія Общества и о томъ интересѣ, который постоянно съ юныхъ лѣтъ вы проявляли къ философскимъ занятіямъ. Въ вашемъ лицѣ совѣтъ радостно привѣтствуетъ первую русскую женщину, избравшую служеніе философіи цѣлью всей своей жизни“.

Предсѣдатель совѣта философскаго Общества Введенскій.

Товарищъ Предсѣдателя Радловъ.

Въ телеграммѣ отъ редактора „Русской Старины“ говорилось: „все это время вы неизмѣнно слѣдовали идеаламъ истины, нравственности и правды и въ своихъ твореніяхъ и въ своей жизни и держали высоко то знамя, которое лишь немногимъ достается удержатъ за время своего служенія родинѣ и наукѣ“.

Среди привѣтствій были письма отъ Людвигъ Штейна изъ Берлина и изъ Іены отъ бывшаго ея профессора Рудольфа Эйкена.

Постоянно повторяющіеся случаи самоубійства среди молодежи, потерявшей вѣру въ жизнь и свои силы, не давали ей покоя.

„Надо бороться съ холодомъ жизни, надо что-нибудь придумать, чтобы отвлечь молодежь отъ самоубійствъ и пробудить въ ней любовь къ жизни“, только и говорила М. В.

И вотъ въ 1911 году она основываетъ „Этическое общество“. Это общество было ея лебединой пѣснью и привело ее къ могилѣ.

Послѣ ряда успѣховъ, сдѣланныхъ Обществомъ, при началѣ своего существованія, и заинтересовавшихъ разные слои, не только въ Петербургѣ, но и въ провинціи, оно стало распадаться: начались раздоры, непріятности, рознь; борьба за власть.

Вскорѣ народилось новое Общество подъ тѣмъ же названіемъ, но съ другимъ составомъ правленія и членовъ, и Общество, созданное Маріей Владиміровной, закрылось. Но и новое просуществовало не долго, оно также закрылось, оставивъ послѣ себя еще большій „холодъ жизни“.

Послѣ распада Общества, Марія Владиміровна стала серьезно болѣть, и если она прожила лишнихъ 3 года, то только благодаря заботамъ и уходу ея друзей Анны Николаевны и Ольги Николаевны Никитиныхъ, которыя прожили съ нею неразлучно съ 1904 года. Съ ними она не чувствовала своего одиночества, онѣ согрѣвали ее и своею любовью, и своими заботами, простиравшимися до того, что похоронили ее въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ схоронены ихъ мать и отецъ, оставивъ мѣсто и для себя.

Мое послѣднее свиданіе съ Маріей Владиміровной было 6-го мая.

Когда ее, больную, рѣшили везти на Кавказъ, она пожелала непременно проститься со мной. Мы съ ней не видѣлись 2 мѣсяца, такъ какъ и она и я были обѣ очень больны.

Свиданіе наше было очень трогательное: меня на креслѣ снесли въ низъ къ двери у подъѣзда, ее подвели къ этому же подъѣзду, бывший у нея, редакторъ „Русской Старины“ Павелъ Николаевичъ Вороновъ.

Сидя другъ противъ друга, намъ обѣимъ хотѣлось, при прощаніи, многое сказать другъ другу, но какъ-то не говорилось. Меня душили слезы при видѣ ея худобы.

— Вотъ мы завтра уѣзжаемъ съ Никитиными до осени на Кавказъ. Говорятъ, надо для моего здоровья, уже билеты взяли... А вы куда?—спросила она меня, положивъ свою красивую, но худую, почти мертвую руку, на мое плечо. Соскучилась я по васъ. Но подняться къ вамъ на лѣстницу не

могла. Сердца плохое... потомъ встала, крѣпко прижалась къ моему лицу, заплакала, и швейцаръ повелъ ее домой. Выходя изъ подъѣзда, она пристально на меня посмотрѣла и сказала: „буду по васъ скучать, пишите“...

Меня понесли на верхъ. Въ санаторіи я часто получала отъ нея открытки. Въ послѣдней полученной мной въ концѣ августа она мнѣ писала: „Вѣрно, будущую зиму я не проживу“. 2-го сентября на станціи Влахерской въ 1½ час. отъ Москвы на дачѣ жены предсѣдателя 2-й Государственной Думы Головиной, Марія Владиміровна скончалась. Совершивъ въ это утро довольно продолжительную прогулку, вечеромъ они должны были ѣхать въ Петербургъ. И вотъ пристрадавши всю жизнь, она умерла легко отъ разрыва сердца 56 лѣтъ.

Думая постоянно о смерти, въ ея книгѣ „Изъ одного альбома“ я нашла слѣдующее ея изреченіе: „сдѣлайте, пожалуйста, надпись на моей могилѣ: „здѣсь лежитъ безпокойный человѣкъ“.

А. Пѣшкова-Толивѣрова.

